

Дерево, море и серебряная ложка

Вчера ночью я опять видела ее во сне. Мою старую добрую собаку с седым ухом. Мою огромную, мою маленькую, мою навсегда. Она бежала по пляжу, оглядываясь, проверяя, иду ли я следом. Я шла, я даже бежала, но не могла ее догнать.

Вчера утром я проснулась от прикосновения ее влажного носа к моей пятке, как обычно торчащей из-под одеяла. Она всегда так делала, чтобы разбудить меня и отвести на берег, пораньше, пока не растворилась кисельная пленка медуз. Каждое лето мы приезжали на море - к дяде и тете. Нам обеим здесь очень нравилось. И вот снова настало лето, и я приехала к ним одна.

Вчера утром я проснулась, осторожно села в кровати, подождала, пока сердце успокоится, и вышла на веранду. Дерево помахало мне веткой. Это самое толстое дерево в саду с незапамятных времен принадлежит мне. Зимой оно впадает в спячку, как медведь, иногда ворочается и рычит, иногда видит меня во сне. У него ко мне особое отношение. Только мне позволено в трудные минуты прижиматься щекой к его шершавой коре, прикасаться пятками к гладким, выступающим из-под земли корням, обнимать тонкими руками его слоновье туловище.

Фиалки, например, моих рук не выдерживают. Их бархатные листья превращаются в кашу, а нежные соцветия - в дурно пахнущий шелк. На мне лежит фиалковое проклятье, и мне, похоже, от него никогда не избавиться, как и фиалкам от их участи. Хотя иногда тетя успевает их куда-то спрятать перед моим приездом.

Только слоновье дерево стойко переносит мои прикосновения. (Ну и собака, раньше.) Теперь оно даже как-то поощряет их. Видимо, что-то чувствует. Видимо, беспокоится, буду ли я так же тосковать по нему. Хотя скорее это оно будет по мне, оно из той самой породы вечных деревьев, не помню, как они называются. Честно говоря, меня удивляет такой эгоизм, сейчас же моя очередь для тоски.

Ночами напролет я лежу в кровати с открытыми глазами, ловлю переплеты его ветвей в убегающих за угол световых следах редких машин и слушаю лай далеких собак, среди которых нет той, которая мне нужна. Ночами напролет я лежу в кровати с открытыми глазами, исследуя пустоту внутри. Наверное, все же стоит пойти к нему. Прижаться щекой, послушать гудение корабельных снастей, доносящееся из глубины его оплывшего организма, погладить кривую ветку – третью слева. Но самое большое несчастье сейчас – это прикоснуться босыми ногами к холодному полу. Полосатые туфли, как обычно, остались под столом на веранде. Только мои ноги, питающие пристрастие к теплу по ночам, останавливают меня на пути к дереву. Они разжигают во мне ненависть к его шуршащей, манящей, летящей сущности. Ну и в целом, я сомневаюсь, что оно поможет. Ночью не помогает ничего, кроме сна. Но он все время где-то задерживается.

Вчера утром, когда я уже пила на веранде чай с грушевым вареньем, освобождаясь под столом от полосатого плена, считая погибших за ночь мотыльков и складывая их в пустое пространство внутри, дерево ни с того ни с сего уставилось на меня в упор. Не подмигивая, не гримасничая, не показывая признаков дружелюбного отношения, оно вперило в меня тысячеглазый взгляд глубочайших глубин и заставило застыть с серебряной ложкой во рту. Мне это не очень понравилось.

“Так, так”, - лихорадочно жонглировала я первым и последним пришедшим в голову словом, - “так, так”. Встала, села, встала, зачем-то схватила банку с вареньем и, вспомнив свою детскую прыткость, перелетела через забор. Кусок юбки повис напоминанием о былых играх в казаков-разбойников на краю нашей и вражеской территорий.

К счастью, в первый раз за это странное лето я встала раньше всех жителей побережья, и чужие владения оказались вне зоны надлежащего контроля. Поверив наконец в такое необычайное везение, я вынула ложку изо рта и осторожно поглядела в заборную щель на дерево, в упор поглядевшее на меня в ответ. “Ну ладно”, - подумала я, прихватила с соседского крыльца смычок их нудного сыночка, обеспечив тем самым своим домашним хотя бы один день тишины, и вышла к морю через их

черный ход. Наш преграждало дерево, вытягивавшееся теперь изо всех своих столетних сил в рост и пытающееся поверх забора проследить мой маршрут.

День на море прошел вполне удачно. Я подремала, укрывшись от ветра за валуном, и во второй раз за утро проснулась от прикосновения влажного носа к голой пятке. Но это была не она. Это была какая-то чужая хромая собачка. Ее хозяйка строила вдалеке песочную крепость. Потом они обе ушли.

Свою собаку я тоже видела. Она бежала по пляжу, оглядываясь, проверяя, иду ли я следом. Я шла, я даже бежала, но не могла ее догнать. Я даже не успела прикоснуться к ее седому уху. Хотя бы кончиками пальцев. Потом снова открыла глаза.

Я доела варенье, закопала смычок в песок, набила банку разноцветными камнями. Походила по белой пене, прилипающей мокрой юбкой к ногам. Три раза закинула в море ложку - так далеко, как только могла, и три раза оно принесло ее обратно. “Этому, в принципе, можно придать какое-то значение”, - подумала я и медленно пошла домой.

На веранде тетя, готовя вечерний чай, уже зажгла лампу, привлекающую мотыльков обжигающей кончиной и моим утренним ее оплакиванием. Дядя бродил по дому с веревкой в руках и искал стремянку. Дерево в темноте скрипело простуженным басом, вздыхало и звало меня. Наверное, хотело извиниться за свой топорный эгоизм.

“Что это было?” - спросила я, обхватив его с левого бока и вложив ухо в ямку между выступами в коре. Оно откашлялось, вздохнуло и преподнесло моей ушной раковине абсолютную, совершенную, непроницаемую пустоту. “Хочешь посоревноваться?” - улыбнулась я. Так мы стояли, я обнимала его, оно молчало внутри, но листья, как глаза, все выдавали. Так мы стояли, и так мне хотелось стоять всегда. Ни по кому не скучать, ничего не помнить.

Потом пришел дядя со стремянкой, приладил к самой толстой ветке качели и ущипнул меня за палец. “Качайся, оно весь год по тебе скучало”, - сказал он и вернулся в дом.

allavelts@gmail.com